

18+

Арие Бен-Цель

אבות
האם
היום

Арие Бен-Цель
Рассказы для Ноя

«Издательские решения»

Бен-Цель А.

Рассказы для Ноя / А. Бен-Цель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514219-1

«Рассказы для Ноя» — вторая книга израильского автора Арие Бен-Целя. Книга написана в жанре повести-новеллы и представляет собой рассказы о еврейской жизни, о поиске творческого начала, к которому можно прийти через осмысление своих корней и своего прошлого. Читатель получит удовольствие от замысловатых сюжетов, вправленных в рамку единого повествования.

ISBN 978-5-00-514219-1

© Бен-Цель А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Семейная встреча	6
Глава 2. Приемная комиссия	14
Глава 3. Макс	18
Глава 4. Лео. В университете	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рассказы для Ноя

Арие Бен-Цель

© Арие Бен-Цель, 2020

ISBN 978-5-0051-4219-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается памяти моих родителей – Михаила Бенцеля и Нелли Бенцель-Гайсинской, познавших все самое ужасное из того, на что способно человечество

Автор выражает признательность за помощь в работе Эльвире Азан

*Картины стены согревают,
Уют домашний создают.
Они, как окна, открывают
Простор в наш временный приют...*

Малоизвестный философ

Глава 1. Семейная встреча

Стояла весна. Вечером начинался праздник, наш герой направлялся к бабушке на традиционную трапезу. Он не спешил, да и времени до захода солнца еще было достаточно. Зная, что предстоит во время застолья, ему хотелось хоть ненадолго растянуть предвечернее время расставания с этим сказочным чувством, возникающим на медленно тающей границе дня и ночи. Погода была великолепна. Растительность, обретавшая свою очередную молодость, восхищала буйством цвета – этим неповторимым удивительным природным макияжем.

Дом, где он провел значительную часть своего детства, находился в престижном районе напротив небольшого ухоженного парка, где ему был знаком каждый куст и камень.

Он знал, что сегодня, как и всегда, получит свою порцию критики со стороны отца; молчаливую и снисходительную улыбку со стороны деда и понимающе-подбадривающий взгляд со стороны бабушки.

Бабушка... Постоянный и надежный союзник все тридцать с лишним лет его жизни. Это она поддерживала его, когда он выбрал факультет литературы, вопреки желанию отца – тот хотел, чтобы сын стал адвокатом, и пожеланию деда, чтобы внук поступил на экономический. Они все же надеялись, что после получения степени бакалавра он продолжит учебу, все-таки выбрав хоть какую-нибудь мало-мальски надежную профессию. А Ной пошел на степень магистра на литературном факультете. Дед был разочарован, отец пришел в ярость и пригрозил, что прекратит оплачивать учебу. Только бабушка поддержала его. Когда же он решил делать докторат, естественно, на этом же факультете, отец уже ничего не сказал, но весь его вид выражал немой крик. Дед устало улыбнулся – было похоже, что он уже махнул рукой на внука, а бабушка сказала, что гордится им.

Ной не хотел унаследовать бизнес деда или становиться компаньоном в адвокатской фирме отца. Он хотел писать. Писать рассказы, книги, пьесы, если получится – сценарии. Проблема заключалась в том, что его неоднократные попытки написать нечто стоящее до сих пор успехом не увенчались. А когда его стали время от времени печатать, публикации проходили незамеченными.

Несмотря на то, что в университете он учился хорошо, получив степень и магистра, и бакалавра с отличием, в творческий мир проникнуть ему никак не удавалось. Вот и сейчас комиссия отвергла его предложение защиты диссертации на тему «В зените сил, в зените славы... Литературные герои в возрасте расцвета сил – что объединяет их в мировой литературе».

Одним словом, нетрудно было представить, кто и что станет объектом обсуждения во время праздничного ужина.

Не спеша он шел по весенней улице и представлял, как они вчетвером сидят вокруг так хорошо знакомого с самого детства стола и щедро раздают комплименты привычным блюдам. Как всегда, напротив него на стене будет пожелтевший портрет прадеда Якова. Его умный пронизывающий взгляд, как всегда, приведет в некоторый трепет – ощущение, знакомое с детства, с которым ему до сих пор не удалось справиться. Сначала бабушка подаст рыбные блюда, затем суп или просто бульон. Естественно, кто, как не он, будет помогать бабушке приносить все из кухни, а затем уносить все обратно. Главное начнется после второго, за чаем. Потому что никто не захочет портить праздничную атмосферу во время трапезы.

Он всегда с удовольствием навещал своих стариков. Дед, конечно, был строг, но и его он тоже очень любил. В детстве Ной мог часами слушать дедовы рассказы о похождениях, когда тот в молодости в составе маленького оркестра играл на свадьбах и разных торжествах. Казалось, что дед, обладавший абсолютным слухом, мог играть вообще на всех инструментах.

Это было еще там, в старой стране, где им приходилось по реке переправляться из города в город на очередное выступление...

Как много дед прошел с тех пор, как преуспел... Может быть, именно тогда, в детстве, увлекаясь его рассказами, восхищаясь остроумием и искусством рассказчика, Ной подсознательно понял, что найдет свое предназначение в литературе. Литература и история, как и у деда, были его любимыми предметами. При том, что на уроках он никогда не слушал учителей: всегда читал, забегая вперед. Нередко учителя, увидев, что он не слушает, задавали ему вопрос. Но, к их удивлению, его ответы были не только правильны, а гораздо обширнее и глубже, чем предполагалось учебной программой. И к тому же сопровождались примерами и сравнениями из тем, которые в программу не входили.

Ной шел медленно, обходя лужи. Дойдя до знакомого с детства дома и посмотрев на часы, оглянулся вокруг. Отцовской машины пока еще видно не было.

...Раньше, когда была жива мама, они с бабушкой управлялись без его помощи, но это было давно. Потом мамы не стало... Когда это случилось, он был подростком и хорошо запомнил ту ночь. Ему не дали зайти в комнату, где все случилось. Несколько бригад скорой помощи с различными специализациями пытались вернуть маму к жизни более пяти часов. В какой-то момент они смогли восстановить дыхание и собирались перевезти ее в больницу, если восстановится пульс. Оборудование искусственного дыхания еще долго создавало имитацию признаков жизни. Не совсем естественный грудной звук время от времени исходил из ее тела, потому трудно было сказать, когда оно стало безжизненным. Пульс не восстановился...

Затем тянулась долгая волокита с различными бюрократическими бумагами, которые пришлось заполнять врачам скорой. Потом появилась полиция, вызванная скорой помощью, которая констатировала естественную смерть. За этим последовала дополнительная бумажная бюрократия. После чего приехали представители похоронной фирмы. Удостоверившись в документах, оставленных скорой и полицией, они задавали вопросы и давали советы по поводу погребения и выбора кладбища.

Ноя уже никто не гнал. Все проходило мимо, как в старом немом черно-белом фильме. Он сидел на диване и, словно сквозь пелену, пассивно наблюдал за происходящим. После того, как тело увезли, около двух часов ночи, он спустился в сад – ему не хватало воздуха. Слезы продолжали стоять в глазах, но он не плакал, и лишь иногда некий страшный спазм в груди заставлял его издать незнакомый ему до сих пор, неконтролируемый звук, похожий на скуление собаки. По-видимому, это было отражением глубочайшей боли, доселе ему неведомой.

Неделя после похорон стала удивительно утомительной. К ним в дом постоянно приходили люди, часто неизвестно откуда узнавшие о случившемся. Приходили друзья, знакомые, коллеги из самых различных сфер и периодов жизни. Как ни странно, но в эти тяжелые, затуманенные душевной болью дни, глядя на посетителей, он увидел всю несовместимость их состава. Различные социальные прослойки, сферы деятельности, интеллектуальный уровень и профессии как бы абстрактно отражали хронологию пройденной жизни матери в ее самых несопоставимых гранях. Отрешенный взгляд Ноя на разношерстную толпу стал результатом психологической защитной реакции.

Его воспитывали быть сдержанным и не проявлять ярких эмоций. Сейчас это удавалось, и только когда ему начинали выражать соболезнования и говорить, какой редкой женщиной была его мама, у него подступал комок к горлу и вновь на глазах появлялась пелена. Он никогда не осознавал ее уникальности при жизни. Для него она была просто мамой, частью его среды, и лишь ее уход заставил Ноя посмотреть на нее со стороны и осознать ее уникальность. Когда через некоторое время ему наконец-то удалось остаться одному, оказалось, что он не может дать волю накопившимся и тщательно подавляемым эмоциям. Слезы ушли внутрь, как яд. Это единственное, что мешало ему в непрекращающемся потоке посетителей в первые дни,

которые отвлекали от осознания случившегося. Через много лет, продолжая вспоминать то время, он написал:

*Сухие слезы льются внутрь,
Травя нам сердце, мозг и душу,
Как результат душевных бурь
Внутри нас создавая сушу.*

*Устанет сердце, смолкнет мозг,
Душа горячая остынет,
И от сухих обильных слез
Внутри останется пустыня...*

Воспоминания заставили его присесть на скамейку возле дома. Он подождал, когда с глаз исчезнет пелена. Как обычно в такие моменты, Ной пожалел, что не курит, однако братья за сигарету он не собирался. Так он пообещал матери. Через некоторое время он увидел знакомую машину. Отец, припарковавшись, вошел в дом. Выждав еще некоторое время, Ной встал и неторопливо направился ко входу.

Как и ожидалось, ему открыла бабушка. Она выглядела так, как он себе и представлял: в фартуке поверх нарядного платья. Ее совсем не старая фигура совершенно не соответствовала седине. Бабушка следила за собой, но волосы по непонятным причинам никогда не красила. При виде любимого, единственного внука ее лицо озарилось счастливой, светлой улыбкой, которая с детства олицетворяла для Ноя доброту. Из соседней комнаты доносились голоса деда и отца. Они, как всегда, обсуждали политику. Бабушка помогла ему снять плащ и, повесив на вешалку, сказала:

- Зайди, поздоровайся, помой руки и давай ко мне на кухню.
- С удовольствием, бабуля, – ответил он с улыбкой.

В салоне он прошел мимо уже накрытого стола и присел на диван, где отец и дед, удобно расположившись, что-то горячо обсуждали. Эта часть большой комнаты с ее изысканной мебелью, коврами, развернутыми газетами и журналами, кофейной сервировкой на изящном журнальном столике, картинами в стиле барокко и реализма своей консервативностью напоминала какой-то престижный английский клуб. Казалось, что вот-вот подойдет лакей и спросит:

- Чего желаете, сэр?

Однако вместо этого он услышал голос бабушки, доносящийся из кухни:

- Не ввязывайся в их политические дискуссии, ты мне нужен здесь!

На самом деле бабушка тоже отлично знала, что без критики сегодня не обойдется. Потому она пыталась оттянуть неприятные разговоры до десерта, когда после плотной трапезы у всех будет меньше энергии, а соответственно, и пыла. Бабушка была хорошим стратегом.

Потому, едва поздоровавшись с отцом и поцеловав деда, наш герой был спасен на некоторое время вызовом на кухню.

– Нужен салат, – распорядилась бабушка, — только не очень мелко, а так, как дедушка любит, ты же знаешь, – добавила она, облачая внука в фартук.

Несмотря на разницу в возрасте, ему всегда нравилось быть с бабушкой, будь то просто прогулка или работа на кухне. Ее простой и легкий нрав всегда восхищали его. Он не знал ни одного человека, который относился бы к ней без теплого чувства. Бабушку любили все.

Когда он закончил с овощами, бабушка смешала их в большой сервизной посудине и заправила соусом, приготовленным по известному только ей рецепту.

– Поставь на стол и сразу же возвращайся сюда... И не поддавайся ни на какие провокации. Сейчас ты помогаешь мне! – сказала она, когда он выходил из кухни.

Вдвоем они управились примерно за полчаса. Когда стол был уже полностью сервирован так, как умела только она, бабушка зажгла праздничные свечи и все сели за стол.

Фаршированная рыба, как всегда, удалась на славу. В их семье обычно подавали ее холодной и не сладкой, в отличие от того, как принято у других хозяек. Ноя всегда восхищала смекалка предков, которые, несмотря на нищету и безнадежность в черте оседлости, смогли из различных остатков скудной еды придумать блюдо, которое со временем стало известно во всем мире. Вообще, еврейская живучесть, способность выстоять в самых страшных условиях, напоминала ему известный библейский сюжет о неопалимой купине, повстречавшейся Моисею в пустыне.

Традиционное застольное чтение прерывалось во время смены блюд, которые они с бабушкой приносили из кухни. После нескольких смен яств аппетит поутих и стал, как и положено, уступать место более оживленной беседе. Соответственно, час допроса неизбежно приближался с нарастающей скоростью. Ной стал чаще поглядывать на портрет прадеда, висевший на стене как раз напротив него. Он мысленно спрашивал: «А чью сторону ты бы принял – правнука или сына и внука?»

Прадед был раввином, каббалистом, учителем и крайне уважаемым человеком. Одним из немногих в общине, к кому люди приходили, чтобы он их рассудил. Как и многие другие родственники, прадед остался там, в старой стране, во время большой войны... Ной не раз задумывался, как бы прадед рассудил его спор с отцом по поводу его карьеры. Как бы отнесся к пути, что выбрал его единственный выбравшийся ОТТУДА сын, который сколотил состояние благодаря, судя по всему, не самым безупречным связям. Что подумал бы о своем внуке, избравшем скользкую карьеру адвоката, чья клиентура не всегда делала ему честь. И вообще, как он в свое время избрал свой путь и избирал ли его вообще? И каким он был в том самом возрасте, который так интересовал Ноя в литературе.

Ной прекрасно понимал, что так называемый оптимальный мужской возраст, к которому он начал приближаться, интересовал его потому, что к этому времени следовало иметь за собой кое-какие существенные достижения, если им вообще суждено было быть. Настояв на своем пути, он как-то подсознательно обещал себе компенсировать обиду близких достижением более существенным, чем просто степень доктора. Оптимального возраста в его понимании мужчина достигал тогда, когда опускающаяся кривая его физических возможностей пересекалась с поднимающейся кривой его опыта и мудрости, другими словами – интеллекта. В этот период мужчина, по его мнению, достигал своего максимального уровня расцвета способностей. Лучший возраст для их реализации, считал Ной, начинался где-то в районе сорока лет и заканчивался к пятидесяти. Он осознавал наличие статистической погрешности в определении этого жизненного периода, но она только должна была подтверждать его гипотезу. Ведь погрешность обычно говорит о наличии правила.

Под конец трапезы, когда все начали ощущать несколько утомительную и слегка усыпляющую истому, отец сделал ожидаемый ход.

– Ну, как дела в академическом мире? Были ли какие-нибудь революционные открытия в литературе за последнее время? – спросил он, ставя на блюдце кофейную чашечку.

Ной хорошо помнил колкие реплики отца вроде «Если человек „пишет в стол“, это значит, что он пишет для „мебели“?» или «Хватало слов, но не хватало мысли. Когда хватало мысли, не хватало слов...»

– Папа, ну к чему этот сарказм. Искусство, как ты отлично знаешь, это не наука, где постоянно происходит революция. Единственная заметная динамика в литературе – это неуклонно растущее количество пишущих людей. И почти все из них хотели бы называться писателями. Это объясняется и высокой грамотностью населения, и доступностью литературы, и возможностью и легкостью опубликования текстов благодаря Интернету. Если когда-то, ну, допустим,

во времена Александрийской библиотеки, несмотря на ее богатство, доступ к ней был ограничен в первую очередь неумением большинства населения читать, то теперь мы практически все читатели, и любая литература нам доступна через компьютер.

– Полагаю, что соотношение писателей и читателей не особенно изменилось в пропорциональном соотношении, – начал было отец развивать свою гипотезу о спросе и предложении в искусстве в разные исторические периоды.

– Ты полагаешь, что, не будь у «пророка» своего мнения о содержимом книг в Александрийской библиотеке, грамотность населения продолжала бы расти? – спросил дед.

– Несомненно. Спрос порождает предложение и наоборот. Однако насилию власти искусство мешало всегда. Оно, и в первую очередь литература, стимулировало «ненадежный элемент», который был опасен для власти даже в неграмотном обществе, – ответил Ной.

– Да-да, мы все читали Вольтера. Он, кстати, был тот еще тип – скользкий, хитрый, но в некоторых случаях и весьма щедрый, хотя, по-видимому, расчетливый, – вставил отец. – А как же насчет соотношения писателей к читателям в качественном смысле?

– Если мы говорим о художественной литературе, то еще со времен Ренессанса, грубо выражаясь, в спросе на искусства вообще, а на литературу в частности, наблюдается постоянный рост как среди потребителей, так и среди поставщиков. Знаковой фигурой в этот эмбриональный момент эволюции литературы является Эразм Роттердамский¹, – ответил Ной.

– Тебе все-таки нужно было стать экономистом. Ты говоришь об искусстве, как экономист, – перебил его дед.

– Это было специально для тебя, дедушка, – улыбнулся внук.

– Мне кажется, что не только как экономист, но и как историк. А вот скажи-ка мне, универсальный литератор, какова все же тема твоей диссертации? Она ведь не на тему исторического развития литературы? И, я думаю, не о ее экономической целесообразности? Полагаю, избранная тобой тема не ставит перед автором задачу раскрыть роль юриспруденции в литературе? Растиньяк², пожалуй, самый яркий известный мне юрист в литературе, да и он не делает особой чести профессии, – продолжил язвить отец. – Литература и юриспруденция явно не братья-близнецы.

– Литература и история гораздо ближе, почти как юриспруденция и экономика. В этих парах всегда гораздо больше интеракции и взаимопроникновения.

– Так какова же твоя тема? – с интересом спросил дед, возвращаясь к вопросу сына.

– Не знаю... – тихо и грустно ответил Ной. – Мое предложение о сравнении героев международной литературы, находящихся в зените своих возможностей, было отвергнуто, – продолжил он.

– Честно, я не могу понять почему. Мне кажется, что эта тема очень интересна. Провести сравнительный анализ сходств и различий самых разных героев из самых разных стран, когда все они приближаются или находятся в зените своего потенциала. Увидеть, что между ними общего. Какова их связь с их средой обитания. Каковы их цели и амбиции. Как они воспринимаются обществом. Что за ними стоит и что толкает совершать те или иные поступки.

– Я бы сказал, что это здорово напоминает социологический опрос, – сказал дед.

– Ну не без этого, хотя в гораздо более широкой и углубленной форме и, естественно, со своими нюансами. Но при желании нечто аналогичное можно сказать и об исследовании Авраама Маслоу³. Это возраст, в котором былые горизонты уже не воодушевляют, как прежде, и постепенно трансформируются в более реальные цели.

¹ Эразм Роттердамский – крупнейший ученый Северного Возрождения. Способствовал возвращению в культурный обиход литературного наследия античности.

² Эжен де Растиньяк – один из героев некоторых романов эпопеи «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака.

³ Авраам Маслоу – известный американский психолог, основатель гуманистической психологии.

– Мы же, конечно, уж не те, но в коей мере все же эти... – съязвил отец. – Если былые горизонты более не воодушевляют, не является ли это возрастным или депрессивным влиянием? – добавил он, как бы спрашивая самого себя.

– Это тот возрастной этап, на котором интеллектуальные, эмоциональные и физические приобретения максимально выше потерь. По-видимому, мужчина достигает оптимального возраста, когда его приобретенный и продолжающий расти опыт доходит до одного уровня с начинающимся возрастным спадом энергии и физических возможностей. В такой момент впервые человек начинает осознавать, что здоровье – это не нечто само собой разумеющееся. Ответы на многие жизненные вопросы найдены, и обнаружены другие вопросы, ответы на которые найдены не будут. Это тот возраст, когда молодецкое «Я все могу» еще не успело побледнеть, но и зрелое и рациональное «А имеет ли это смысл» уже начинает проявляться. Перевалив через очередной возрастной барьер, предшествующий, как правило, начинает казаться прекрасным. Не этим ли феноменом определяется наше сентиментальное отношение к мемуарам? Большую часть жизни мы считаем себя молодыми в прошлом и старыми в настоящем, – сказал дед, а он знал толк в философии. – А жизнь, кажущаяся такой длинной и медленной в начале, всегда кажется такой короткой и быстротечной в конце. Думаю, это потому, что год в восьмилетнем возрасте – это двенадцать с половиной процентов прожитой жизни, тогда как в восьмидесятилетнем – это всего лишь один процент с четвертью, – заключил он.

– Общение с интересными людьми делает нас более интересными. Я бы несколько не удивилась, если бы узнала, что это и было одной из руководящих идей, которая стояла за исследованием Маслоу, – вставила бабушка.

– С возрастом у меня все чаще возникает впечатление, что я оказался не так умен, как считал раньше. Судя по тому, что я это вижу, я все же становлюсь умнее, а если так, то не исключено, что это не поздно и в моем возрасте, – опять заговорил дед.

– «Чем опытнее становлюсь, тем больше глупости своей боюсь», – процитировал отец, по-видимому, самого себя, и спросил: – А что такое в твоем понимании возраст оптимального потенциала? Даже если существует такое понятие, разве он может быть постоянным в различных исторических периодах?

– Возраст оптимального потенциала в первую очередь зависит от постоянно растущей продолжительности жизни. Однако я совсем не собирался начинать с каменного века, когда этот жизненный период определялся способностью мужчин охотиться на мамонта. Мне кажется, что вполне логично было бы начать со средних веков, когда начались первые романтические воспевания рыцарей, – Ной и сам не заметил, как начал входить в раж.

– И что же теперь, когда твое предложение отвергнуто? – спросил отец.

Все это время бабушка, очень внимательно наблюдая за происходящим, ничем не выдавала своего волнения. Она побаивалась, как бы это семейное торжество, которое так приятно начиналось, не переросло в ссору или даже скандал. Ее беспокойство основывалось на опыте. Тема карьеры, избранной внуком, была болезненной для всех, но для каждого – по-своему. Семья в этом вопросе поделилась на два лагеря: Ной пользовался поддержкой бабушки, тогда как отец ощущал весьма сдержанную поддержку своего отца. Бабушка осознавала и свою часть ответственности за выбор внука. Несмотря на отсутствие формального образования, она практически была литературной энциклопедией. Прекрасно знала классику, могла процитировать многих писателей, великолепно по памяти читала стихи, но и на этом ее познания не ограничивались. Она знала биографии многих классиков, а также различные истории, которые воодушевляли их к созданию своих шедевров. С детства бабушка посвящала своего внука в эти знания. Сейчас она внимательно следила, чтобы голоса и эмоции не превышали дозволенного уровня.

– Теперь я не уверен, как нужно поступить. Один вариант – переработать тему и убедить комиссию все-таки утвердить ее. Другой вариант – взяться за другую. Предупреждая твой следующий вопрос, папа, отвечаю, что в том или ином случае очередная задержка процесса

может оцениваться в дополнительный год. Так что статус «вечного студента» в ближайшие как минимум два года за мной сохранится, – Ной, сам того не осознавая, наступил на любимую мозоль отца.

Дед опустил глаза, тяжело вздохнув. Было ясно, что он пытается обойти острые углы, хотя и был согласен с отцом. Человек с его биографией и опытом не мог мыслить иначе.

Отец, услышав ответ сына, не без язвительности спросил:

– Под статусом «вечного студента», я так полагаю, подразумевается «академический голодранец»?

Услышав реплику отца, Ной покраснел и, стараясь быть сдержанным, ответил:

– Ты отлично знаешь, что я в состоянии себя содержать.

– О да, конечно, на те несколько сотен, которые ты получаешь в качестве ассистента. Ну и конечно, я позабыл о неопубликованных рассказах, непринятых пьесах и отвергнутых сценариях! Это в твоём-то возрасте?!

Бабушка поняла, что момент наступил.

– Так, ты мне нужен на кухне, – сказала она спокойным, но очень четким голосом.

Ной, с детства привыкший беспрекословно подчиняться бабушке, встал и, с досадой взглянув на отца, пошел за ней на кухню.

В это время дед, поджав губы, выпучив глаза и подняв брови, развел руками, глядя на своего сына, который, опустив голову, отрицательно ею качал. Оба в напряжении молчали. Наконец отец прервал паузу:

– Приятные слова – ушей очарование... – с досадой произнес он. – Когда наш умник станет доктором, еще далеко не ясно, повезет ли нам так, что он станет профессором. А чтобы пробиться в мир литературы, ему в лучшем случае придется подрабатывать официантом. Если повезет, быть может, учителем в школе. Хотя в какой школе нужен преподаватель с излишним уровнем образования? – задыхаясь, выговорил он. – Почему бы ему не заняться исследованием соотношения тех, кто считал себя писателем, а на самом деле работал клерком, шофером или сторожем, и теми, кто хоть в какой-то мере известен в литературе, – продолжил он, переводя дух.

– Да, по-видимому, обеспеченное детство не пошло ему на пользу, познай он нужду, достаток беспокоил бы его больше, чем личные амбиции. Деньги – это ничто, однако ничем они становятся, когда они есть. Когда же «есть» нет, они вновь обретают свою суть. А у Ноя полное пренебрежение к материальной стороне. И ведь все потому, что он почти никогда ни в чем не нуждался и рос в среде, где все было ему доступно. Хорошо еще, что у него все же есть амбиции. Это, наверное, единственное, что он у нас унаследовал, – заметил дед.

– На мой взгляд, в своем отношении к деньгам люди делятся на две основные категории: те, которые стремятся к деньгам, чтобы их тратить; и те, которые стремятся к деньгам, чтобы их иметь. В итоге в какой-то мере деньги имеют и тех, и других, а также и редкую породу бессребреников, таких, как наш отпрыск, – ответил отец.

– А тебе не кажется, что в некоторых случаях писательство – это результат трансформации энергии? Боюсь, что в некоторых случаях творчество может служить оправданием существования, – задумчиво произнес дед.

Тем временем бабушка мыла посуду, передавая ее, как на конвейере, внуку. Тот вытирал ее, демонстрируя профессиональный навык. Было достаточно беглого взгляда, чтобы почувствовать опыт и слаженность команды. Ной с детских лет помогал бабушке.

Убрав на кухне, бабушка устроила им по старинке «чай на двоих» – традиционная церемония с исповедованием внука. За небольшим кухонным столом Ной рассказал, как разочарован тем, что его тему диссертации отвергли, как это разрушило его надежды и погасило воодушевление. Он говорил о том, как вся его среда с этого момента давит на него и насколько он устал от неразберихи и разочарован во всем, что делает.

– Этот хаотичный и непредсказуемый период ведь должен, раньше или позже, закончиться? – спрашивал он бабушку, с надеждой поднимая на нее глаза. – Или же не взлетевшие крылатые фразы, по-видимому, оказались бескрылыми?

В этот момент он вновь превратился в маленького мальчика, которому так не хватало поддержки близкого и сильного человека, способного вызвать доверие.

– Имей терпение, – ласково улыбаясь, отвечала ему бабушка. – Как и все в природе, хорошее и плохое тоже непостоянно. Однако имей в виду, что подобные ситуации, скорее всего, будут повторяться в жизни, и ты ни в коем случае не имеешь права опускать руки. Преимущество зрелого возраста заключается в том, что отказы, промахи и неудачи воспринимаются гораздо легче – сказывается приобретенный опыт. Запомни, что во все свои последующие кризисные ситуации ты будешь вступать более подготовленным и закаленным. Не исключено, что каждый наш кризис укрепляет существующие в нас комплексы или создает новые, однако я считаю, что именно наличие комплексов, или, если желаешь – душевных мозолей, превращает нас в борцов и победителей. Русские говорят о себе, что долго запрягают, но ездят быстро. Что же касается нас, то мы тоже медленно запрягаем, ездим, однако, не спеша, но далеко. Когда-нибудь, когда ты уже будешь профессором с множеством различных публикаций, ты вспомнишь этот разговор и улыбнешься... – посмотрев на утомленное лицо внука, бабушка предложила: – Давай-ка я тебя уложу спать в твоей старой комнате, как когда-то давно.

Ной устало кивнул, и они, выйдя в коридор, направились в комнату, которая часто в детстве служила ему спальней.

Укрыв внука пледом, бабушка пошутила:

– Ну что, рассказать тебе сказку?

– Сказку не надо, но вот за какую-нибудь историю я был бы очень благодарен. Я уже полгода ничего не писал – просто не о чем. Мне кажется, что это не то, что называют творческим застоєм. Это нечто вроде творческой пустыни, – с горечью произнес Ной.

– Знай, что все образуется. Твои отец и дед очень тебя любят и желают тебе добра, но каждый по-своему. Они очень обеспокоены, и это тоже на тебя давит. Сомнение – путь к истине, а компромисс – враг таланта. Наши мудрецы очень давно сказали, что любое падение – это предзнаменование последующего взлета. А теперь спи, тебе нужно отдохнуть, – бабушка погасила свет и закрыла за собой дверь.

Глава 2. Приемная комиссия

Ной заснул не сразу. Все высказанное им и услышанное от бабушки должно было улечься в предназначенное для этого место внутри сознания. Возможно, это и называется – успокоиться. Этот процесс на удивление прошел так гладко, что Ной и не заметил, как заснул.

Сначала произошел обычный провал почти в небытие, сильный и глубокий. Но так продолжалось не долго: глубокий сон, как правило, долго не длится. После того, когда провал кончается, иногда возникают сны. В любом случае, когда Ной поднялся из глубины, во сне он обнаружил себя вновь в салоне.

Перед ним сидели трое мужчин. Все были примерно одного возраста, около сорока лет. Нельзя сказать, что они были очень похожи. Все трое – светловолосые, с определенно восточноевропейскими чертами. Тех, что сидели по бокам, он узнал практически сразу, хотя и был удивлен эдакой их метаморфозой. Он узнал их по фотографиям, которые много раз видел в семейных альбомах. Просто сначала, посмотрев на этих людей, отказался принимать за действительность то, что не могло ею быть. Он распознал в них отца и деда, хотя сейчас, во сне, они выглядели ровесниками. Отец сбросил лет двадцать пять, а дед, получается, скинул больше сорока. После этого открытия Ной легко догадался, кто же был третий. Дело в том, что фотографий прадеда в молодости у них не сохранилось, кроме той, висевшей на стене, где он уже был средних лет. Итак, третий, сидевший между дедом и отцом, тоже выглядел на сорок и, словно подсказывая, кто он такой, сидел прямо под своим портретом, сделанным около ста лет назад. Ной легко соотнес его облик с портретом на стене: те же умные и пронизательные глаза. Борода несколько меньше, брови менее густы, лоб не так велик, как на портрете, однако, вне всякого сомнения, это был он – прадед в свои сорок лет.

– Добрый вечер! – поздоровался Ной как-то рассеянно и сразу же добавил: – С праздником!

Его голос звучал несколько удивленно и, может быть, даже испуганно.

– С праздником, – ответили мужчины спокойно.

– Садись, посиди с нами, – приятным голосом и с дружелюбной интонацией произнес сорокалетний прадед из прошлого века.

Ошарашенный, загипнотизированный Ной присел напротив. Нечто на редкость абсурдное, что-то вроде «а не третейский ли это суд?» промелькнуло у него в голове.

– Мы знаем, что тебе тяжело, – произнес тот, который был сорокалетним отцом.

– И хотели бы тебе помочь, – добавил сорокалетний дед.

– А как вы здесь... – неуверенно, сбивающимся от удивления тоном начал Ной.

Переглянувшись, все трое улыбнулись.

– Мы хотим тебе помочь, – ответил за всех прадед.

– Не волнуйся, – произнес знакомый женский, но более молодой голос.

Посмотрев влево, он увидел бабушку, молодую и красивую. От нее буквально исходило тепло. Несмотря на всю неординарность обстановки, Ной начал ощущать труднообъяснимое спокойствие. Испуг прошел, и он даже почувствовал своеобразный уют в этой странной и непонятной атмосфере. Изначальное напряжение таяло на глазах, и ему на смену приходил какой-то неопиcуемый поток комфорта, тепла с оптимальной мерой расслабленности и легкости.

– А как вы мне можете помочь? – постепенно обретая смелость и слыша свой голос как бы со стороны, спросил Ной.

– А в какой помощи ты нуждаешься? – негромко, но четко, приятным баритоном, вопросом на вопрос ответил прадед.

– Даже не знаю. У меня все не так... – сказал Ной медленно, задумался, вдруг начиная осознавать, что не может конкретно сказать: что же с ним не то.

– Ну, это несколько абстрактно... – в тон ему ответил дед.

– Да, попробуй-ка поконкретнее, – вставил отец.

– Мне, по-видимому, придется переписывать план моей диссертации, – сказал Ной неуверенно.

– И что? – почти в голос спросили все трое. Это прозвучало, как эхо поколений.

– Это ведь твое первое предложение темы? – спросил дед. – Так что это вполне закономерно.

– Отец постоянно критикует меня, – почему-то сейчас решил пожаловаться Ной.

– Родители часто так поступают, – примиряюще сказал прадед. – В этом выражается их озабоченность. Тебе ведь не хотелось бы ощущать их равнодушие? Думаю, что когда-нибудь ты поймешь и это.

– Почти все мои сверстники уже давно устроенные, у всех семьи, карьеры, – опустив голову, Ной продолжал взывать к сочувствию предков.

– Но ты же прекрасно знаешь из жизни, литературы и истории, что не у всех все получается одновременно, – ласково отозвалась бабушка.

– Нет, ты не говоришь нам того, что беспокоит тебя на самом деле. Все, что мы тебе сейчас сказали, ты и сам прекрасно понимаешь, – сказал прадед.

В комнате установилась тишина, и впервые с начала этой странной встречи Ной почувствовал какое-то напряжение, хотя ничего тревожного вокруг не было. Напротив, ощущая некоторый дисбаланс, он понял, что от него ждут ответа. Того ответа, в котором отразится то, что пока неизвестно ему самому, из-за чего он и не может обрести внутреннее равновесие, столь необходимое ему, чтобы жить полной жизнью.

Ной словно выдавливал из своего подсознания, как из тюбика, созревший ответ.

– Я боюсь, что все написанное мной до сих пор действительно ничего не стоит и что, в лучшем случае, если создам еще что-нибудь, оно будет на том же уровне. Я боюсь, что мне больше не из чего лепить. У меня нет темы, нет стержня, нет героев и, по-видимому, нет таланта, на который я так надеялся, – он выпустил, как пар из кипящего котла, всю свою боль, сам себя ошарашив собственным откровением.

Боль обрела силуэт не только для троих мужчин и женщины, беззвучно слушающих его, но и для него самого, до сих пор не способного в себе эту боль распознать.

– Что-то можно написать даже ни о чем. Вопрос – как! А наличие интересного материала и определенные способности, позволяющие перенести его на бумагу, не делают человека писателем. Иногда требуется написать целую книгу, чтобы в этом убедиться, – серьезно сказал отец.

– Мало кто из известных и даже знаменитых писателей сделался таковым после первого произведения. Толстой учился сначала на факультете восточных языков, а затем на юридическом, так и не закончив ни того, ни другого. Чехов в гимназии дважды оставался на второй год. Не нам тебе, эксперту по литературе, говорить об этом. Подобный литературный образ фигурирует во многих произведениях. Даже мне, не самому изощренному поклоннику изящной словесности, хорошо запомнился Мартин Иден почитаемого тобою Джека Лондона. Можешь не сомневаться, что многое в описании этого грубого, постепенно отшлифовывающего себя моряка, такой мэтр литературы как Джек Лондон позаимствовал из собственного опыта, – продолжил он.

– А что касается тем, стержней и героев, то это дело наживное, – добавила бабушка. – Посмотри вокруг себя, посмотри внутрь себя. Нам свойственно не замечать многого, однако я уверена, что у всех есть что рассказать или о чем написать. Не всем, однако, дано это увидеть и понять. Если ты хочешь стать настоящим писателем, то тебе недостаточно просто идти по улице. Тебе нужно задаваться вопросом, что стоит за тем, что ты видишь, и что к этому привело, – сказала бабушка. – Нужно искать нечто... вроде причинно-следственной связи, отражающейся в любой сцене.

– Сара, ты почти дословно процитировала Шопенгауэра, – сказал дед. – Когда ты слушаешь чей-либо рассказ, ты должен задаваться вопросом: стоит ли этот товар огранки и какой бы ты ее хотел видеть? – добавил он.

– Хорошие идеи характеризуются тремя основными компонентами: они появляются редко, пропадают быстро, и тем, что они... хороши, – вставил отец.

– Настоящий человек искусства сможет подчеркнуть и передать то, чего обычный человек не заметит. Для того чтобы создать что-либо, необходимо обладать умением терпеливо прислушиваться к собственной фантазии, – сказала бабушка, улыбаясь и слегка кивая деду.

– В наше время никому не дано создавать новые сюжеты, и лишь избранные способны оформлять их по-новому, – вставил отец.

– Каждое новое событие ложится на наш психологический облик, как дополнительный археологический слой, покрывающий предыдущий, раскапывая который, нужно ничего не повредить, – сказал дед.

– Интрига, приключение, афоризм – все это литературные «специи». Маленькие, незаметные моменты счастья одного частного лица по сравнению с большими и редкими счастливыми жизненными событиями так же незаметны, как и повседневные маленькие чудеса в сравнении с великими чудесами истории, многие из которых тоже далеко не все считают таковыми. Разве они не достойны описания? – произнес прадед. – В любом случае, хорошие книги позволяют нам забыть на время нашу далеко не дружественную среду и создают внутри нас иллюзию некоего внутреннего уюта.

Ной слушал как зачарованный. Он ощущал себя новорожденным младенцем, вокруг колыбельки которого собрались самые близкие, беспокоящиеся о нем люди.

В комнате воцарилась тишина. Ной понял – от него ждут, чтобы он сказал что-нибудь. Он еще раз оглядел всех: отец, еще без очков, гладко выбритый, в консервативно-строгом темном костюме, как если бы он собирался в суд; прадед с едва заметно искривленным носом в традиционном лапсердаке и высокой бархатной ермолке; дед с небольшими усами, редковатыми волосами и в модном для своего времени костюме; и конечно, бабушка с аккуратно уложенными слегка седеющими волосами в скромном темном платье. Все они молча и внимательно смотрели на него в ожидании.

– Быть может, вы могли бы мне рассказать какие-нибудь интересные истории, а я попытаюсь из них что-нибудь сделать? – осторожно спросил он. – Я думаю: учитывая ваше прошлое, у вас найдется что-нибудь для моих писательских попыток. Все четверо переглянулись со сдержанными улыбками, перебросились несколькими фразами на непонятном, но почему-то не чужом Ную языке.

– Что ж, думаю, можно попробовать, – сказал прадед.

– Только помни, как говорят в театре: «Протекция может помочь дойти только до сцены. На сцене все уже зависит только от тебя самого», – не изменяя себе, нравоучительно добавил отец.

– Да-да, конечно, кому как не тебе разбираться в театре, особенно в его женской половине, – скорее мягко, чем язвительно, вставил дед с обаятельной улыбкой. Его поддержали остальные, включая самого отца.

– Полагаю, что и о балете тебе есть что рассказать, – добавил дед.

Все еще раз переглянулись и одновременно посмотрели на прадеда. Может быть, это из-за возраста семейного старшинства, а может быть, потому, что жизнь прадеда была удивительно интересной не только в «старой стране», но и в «старой Европе», разделения на страны в которой менялись столь часто в его годы.

Перетасовка государственных образований всегда влекла за собой нестабильность и, как следствие, самым чувствительным образом ударяла по людям, что неизменно порождало массу всяческих рассказов, слухов и просто сплетен.

– Что ж, – сказал прадед, вздыхая, – я мог бы рассказать о нашем родственнике Максе, с которым мы вместе были в гетто, а затем и в лагере Штутхоф. Ему, правда, в отличие от меня, повезло больше.

Глава 3. Макс

Макс родился в Риге в 1915 году, когда Латвия была еще частью Российской Империи. Семья жила скромно, но в хорошем доме и неплохой квартире. Район, однако, оставлял желать лучше го. Интересно, что та часть Московского района или форштата, как говорили в Риге на немецкий лад, была той самой частью города, куда с шестнадцатого века начали прибывать и селиться еврейские купцы. Они и основали здесь, у самой Двины, впоследствии еврейское подворье. Через четыре века район все еще оставался преимущественно еврейским. Самая большая хоральная синагога⁴, гордость общины, находилась буквально в одном квартале от дома Макса.

Дом принадлежал богатому еврею, и квартиросъемщики в основном тоже были евреями. За исключением дворника. Как известно, дворник – низшее звено в царской охранке, был по определению доносчиком, всегда все обо всех знал и легко мог ответить на все вопросы, включая «кто, где, когда», интересующимся органам.

Над квартирой родителей Макса жила семья двоюродной сестры его мамы. Там было четверо детей: Циля, Ицхак, Миша (или Хола – от Михоэл, как ласково называли его близкие) и Мери, их младшая сестра. С хулиганистым Ицхаком отношения у Макса не особо складывались, да и пятилетняя разница в возрасте не особо способствовала дружбе. Зато с Холой, тихим, спокойным мальчиком на три года старше, у Макса были самые дружеские отношения. А на Мери – красивую маленькую девочку с ангельским характером, Макс начал засматриваться, еще не отдавая себе отчета, почему она ему так нравится.

Макс принадлежал к поколению, которое еще знало своих дедушек-раввинов, каббалистов и просто религиозных евреев. Поколение их родителей пока еще оставалось религиозным, хотя его уже можно было в той же степени назвать и просто традиционным. Большая часть евреев уже не носила бороды, однако соблюдала основные традиции, что трудно было сказать о поколении Макса. Дома, однако, все оставалось по-прежнему: традиционно и религиозно. Возможно, поэтому многие молодые и преуспевающие люди проводили дома не так много времени. Примером тому был кузен Хола. Он работал коммивояжером, имел подход к людям, много разъезжал, хорошо зарабатывал и, соответственно, хорошо проводил свободное время в кругу друзей.

Максу нравился образ жизни добродушного и щедрого Холы, сам он не владел искусством легкого завязывания знакомств, столь нужным, чтобы стать успешным коммивояжером. Макс принадлежал к типу людей, которые достигнут многого, если дать им время. Если же времени у них будет недостаточно, они останутся ни с чем. Таков их интеллектуально-биологический ритм: созревание требует больше времени.

Еще Макс активно занимался футболом в клубе «Маккаби».

Таково было положение вещей в 1940 году, когда Советский Союз протянул «руку помощи братской республике и спас ее от деспотизма и капиталистического гнета...».

Еврейский клуб «Маккаби» закрыли, впрочем, как и все частные предприятия, включая то, где работал Хола. Од нако это было еще полбеда. Всех бывших хозяев частных предприятий, к кому с некоторых пор от- носился и кузен Ицхак, успевший к тому времени стать уважаемым отцом семейства, новые «либеральные» власти объявили «врагами народа». А это означало их высылку вместе с членами семейств в места очень даже отдаленные и весьма охлажденные.

⁴ Хоральная синагога – разновидность синагоги, где для усиления эффекта кантор пел в сопровождении небольшого мужского хора, обычно от четырех до семи-восьми человек.

Не прошло и года, и еще не все успели разобраться, что к чему, как власть вновь переменялась. Шел 1941-й год...

Все познается в сравнении. То, что совсем недавно воспринималось бедой, уже через год казалось чрезвычайной удачей и счастьем. Многих сосланных «врагов народа» ссылка попросту спасла. Не сказать, конечно, что в Нарыме и на Колыме условия жизни соответствовали стандартам гуманитарных организаций. Многие сосланные умирали от всевозможных лишений. Почти невозможно было найти семью сосланных, в которой из-за невыносимых условий не погиб хотя бы один человек. Однако уничтожение людей властью «рабочих и крестьян» отличалось от действий ее брата-близнеца – фашистской Германии – относительной пассивностью. Хотя поначалу оккупационные немецкие власти, еще до войны с СССР, тоже испробовали пассивный подход, но очень быстро разочаровались в его эффективности. Гетто оказались лишь временным и промежуточным этапом «окончательного решения еврейского вопроса».

Для начала были опубликованы зверские законы, ограничивающие еврейское население в правах. Большую Хоральную синагогу сожгли вместе с евреями, в основном беженцами из соседней Литвы, которые нашли там временное убежище. Подобная участь постигла и все остальные синагоги города, за исключением Кантонистской. Последнюю не сожгли лишь из-за опасения, что пожар может распространиться на весь Старый город.

Вскоре пришел черед гетто. Всем евреям было предписано в кратчайшие сроки переселиться в огражденную часть Московского форштата. С собой разрешалось взять строго ограниченный минимум вещей. Территория, отведенная под гетто, предусматривала максимальную плотность населения. Однако немцы уже знали, что это не приведет к желаемым темпам вымирания людей. Из опыта варшавского и других гетто они знали, что евреи – на редкость живучий народ.

Вскоре гетто поделили на большое и маленькое. В большом остались женщины и дети, а в маленькое перевели мужчин. Впрочем, женщины оставались в большом гетто недолго: требовалось срочно освободить место для ожидаемых эшелонов с немецкими евреями... Гетто было готово к приему новой партии 30 ноября 1941 года после так называемой «Первой акции», когда практически все население большого гетто, 27 тысяч человек, были расстреляны в Румбульском лесу в восьми километрах от Риги.

Макс оставался в маленьком гетто. Время от времени он видел родственников и знакомых, но чаще всего в одну рабочую команду с ними не попадал. Однажды на общем построении он видел, как перед поляками, работающими в гетто, к коменданту провели Холу. Это ничего хорошего не сулило, и Макс уже не ожидал увидеть кузена в живых. По слухам, у Холы нашли продукты, и комендант, подозревая, что контрабандой занимаются поляки, работающие в гетто, решил провести дознание. Впрочем, как рассказывал врач, зашивавший Холу голову после допроса, расследование ни к чему не привело. Уже после приказа расстрелять, Холу забрал к себе на «Ленту» (филиал Рижского гетто) некий загадочный офицер СС – лейтенант Сервичь, не раз помогавший евреям.

Когда оставшихся в конце войны пригодных к работе молодых евреев из Рижского порта в трюмах отправляли на север Германии, Макс увидел Холу вновь. Так они вместе попали в Штутхоф – концентрационный лагерь возле Гданьска. Лагерь постепенно расширялся и со временем достиг статуса самых «продвинутых» лагерей. В Штутхофе работали газовая камера и крематорий, где сжигали трупы. Возможности уничтожения были не так велики, как в других лагерях, но мощности постоянно наращивались. Планировалось, что Штутхоф станет самым большим лагерем на севере Германии. Однако, несмотря на относительно небольшую «пропускную» способность лагеря, его успехи в уничтожении заключенных голодом отразились в отчете главы патолого-анатомического института в Данциге профессора Рудольфа

Шпаннера⁵, который жаловался на то, что трупы из Штутхофа настолько истощены, что не подходят для производства мыла.

С некоторых пор в лагере ощущалось: что-то происходит за его воротами. Немцы становились менее самоуверенными и более нервными. За годы, проведенные в гетто и концлагерях, заключенные научились извлекать информацию из источников, недоступных обычным людям. Всем было понятно, что конец, каким бы он ни был, приближается. К тому времени те, кто еще остался в живых, были квалифицированными «доходягами» – такая терминология была в ходу в системе концлагерей страны победившего социализма. В таком состоянии узников – ходячие трупы заставили идти вглубь Германии. Тех, кто падал, добивали на месте.

Колонны останавливались в небольших городках для различных работ, а иногда и на ночь. В основном приходилось разбирать завалы – результат налета союзной авиации. Нередко к охране групп заключенных на различных объектах подключали местную полицию.

Как-то на одной из таких остановок двое полицейских взяли двоих заключенных на разборочную работу около реки. Одним из заключенных был Макс. Полицай, вооруженные винтовками, шли сзади, время от времени покрикивая «шнеллер» – быстрее. Несколько часов Макс и его напарник разбирали обломки рухнувшей стены и с обрыва сбрасывали их в реку. Изпод обломков торчало сломанное дерево, на ветвях которого недавно появились первые почки, но им уже не суждено было раскрыться. Стоял приятный весенний день. Как ни парадоксально, и в этих невообразимо страшных условиях природа не изменяла своему жизненному циклу. В какой-то момент полицаи приказали заключенным остановиться. Людям, годами ощущающим рядом с собой смерть, было нетрудно понять, что интонация приказа теперь неумовимо отличалась от обычной «Хальт» («Стой»). Совсем близко слышалась канонада артиллерии союзников. Но арестантов, однако, уже ни союзники, ни пробуждающаяся природа не беспокоили. Они предчувствовали конец, никакая надежда больше не жила в их истерзанных душах. Инстинкт жизни атрофировался. Физически сломленные дистрофики даже думать не могли о каком-то сопротивлении.

Их поставили у обрыва лицом к реке. В двух шагах позади от них полицаи вскинули винтовки, целясь в их затылки. Два выстрела раздалась почти одновременно... Что-то сильно обожгло верхнюю часть шеи, и Макс упал. Он сразу же понял, что жив, и первой его мыслью было встать и сказать полицаям, чтобы кончили начатое. Однако шок от всего произошедшего, а может быть, и весна, пробудили в нем почти искорененный жизненный инстинкт. «А может, они уйдут, а я спрячусь?» – было следующей мыслью возвращающегося к жизни Макса.

С профессиональным хладнокровием людей, знающих свое дело, полицаи сбросили оба тела с обрыва в реку. Провалившись в холодную воду, Макс почувствовал прилив энергии. Он не спешил всплывать. Будучи с детства хорошим пловцом, он нырнул вглубь под водой и поплыл по течению реки. Сколько смог, продержался без воздуха, а потом осторожно всплыл и огляделся, восстанавливая дыхание. На берегу никого не было. Выбравшись на берег, несколько минут лежал на спине, ощущая полный упадок сил. Он был искренне удивлен, что после всего произошедшего смог такое проделать. Однако нужно было что-то предпринимать, не искушая судьбу, не привлекая к себе внимания. Кое-как он добрался до близлежащего разрушенного дома, пробрался в подвал. Здесь силы полностью оставили его.

Макс не помнил, сколько времени пролежал в подвале, спал ли, или был без сознания – или и то и другое. Жажда заставила его вновь собраться с силами. Он осознавал, что, выходя из своего убежища, подвергал себя смертельной опасности, но ничего поделать не мог. Жажда на тот момент была сильнее жажды жизни...

⁵ Рудольф Шпаннер (1895—1960) – профессор медицины, директор анатомического института в Данциге (ныне Гданьск), офицер СС. Проводил эксперименты с производством мыла из человеческого жира в 1943—1944 годах.

Он выбрался из подвала. Стоял ясный день. Весенние лучи солнца ослепили его. В городе было тихо, артиллерия умолкла. Держась за стены и шатаясь, он прошел вдоль уличных развалин. В одном из дворов ему послышались какие-то звуки. Он зашел внутрь. Женщина, сидящая на перевернутом ящике, чистила морковь и бросала ее в большой таз.

– Можно мне одну морковку? – еле держась на ногах и протягивая руку, спросил Макс по-немецки. Слабые мышцы ног импульсивно пытались поддерживать равновесие.

– Не знаю, это не мое, – отрезала женщина, почти не смотря на него, но все же добавила: – здесь теперь все принадлежит американцам.

Держась за стенку и слегка пошатываясь, Макс пытался осознать смысл сказанного, когда во двор зашли двое военных с оружием в незнакомой форме...

...В госпитале хирург осмотрел рану и сказал, что Макс не просто повезло. Пуля прошла через затылок и вышла через правую щеку, не задев ни единой кости и ни одного важного нерва. Такие случайности, по-видимому, бывают реже, чем одна на миллион. Ему было суждено жить.

Иногда правда может звучать менее реалистично, чем ложь. Кстати, это, кажется, Марк Твен сказал, что правда, в отличие от лжи, не должна звучать правдиво. Как видим, жизнь способна создать такой сценарий, какой и не придумаешь, – заключил прадед свой рассказ.

– Да уж, действительно, – поддакнул дед.

Он вспомнил историю, рассказанную одним его знакомым. В один из тех страшных дней тот уже было занес ногу, чтобы залезть в кузов грузовика, отвозившего людей на расстрел, как начальник охраны крикнул: «Хальт», – и кнутом отодвинул его назад. Погрузка заключенных должна была завершиться ровно в двенадцать.

– Так немецкая пунктуальность спасла ему жизнь. Такие вот бывают сюжеты, – сказал дед.

– Как удивительно часто можно услышать рассказы о том страшном времени, связанные в буквальном смысле с чудесами, – сказала бабушка.

– Это не говорит о том, что чудес было много, – вмешался прадед. – Наоборот, их, к сожалению, было слишком мало, просто так уж вышло, что все они связаны с чудесными спасениями тех, кто потом смог о них рассказать. Те, с кем чудес не произошло, рассказать не могут...

Рассказ о Максе произвел такое впечатление, что все присутствующие некоторое время сидели молча, переосмысливая услышанное.

Глава 4. Лео. В университете

Бабушка задумалась о чем-то, поглаживая уголок туго накрахмаленной скатерти.

– У твоего кузена Лео были весьма интересные периоды в жизни, особенно в то время, когда он учился в США, – сказала она задумчиво.

– Да? И что же такого необычного с ним там приключилось? – заинтересовался Ной.

– Лучше, наверное, чтобы он сам рассказал, да и повидаться вам не помешает, – ответила бабушка.

– Ну, а все же, если вкратце, – не отставал Ной.

Бабушка не могла отказать внуку. Она понимала: то, что она или даже сам Лео сможет рассказать, вряд ли смогло бы стать фундаментом для какого-либо литературного произведения. Однако бабушка вполне могла, что называется, «запустить проект» или хотя бы пробудить энтузиазм у внука.

– Лео был смышленным студентом, – начала она, – таким, во всяком случае, он ощущал себя среди других, с кем учился. Не то чтобы остальные не были сообразительными; наоборот, сам факультет, магистратура, специализация в финансах – все говорило о том, что те, кто смог пройти отборочные фильтры, все без исключения были людьми высокого интеллектуального уровня, способными решать непростые задачи. Система образования – это, если позволюсь мне такое сравнение, социальный блендер. Чем эффективнее система, тем качественнее сливки.

От других студентов Лео отличался значительно: сказывалась его прошлая жизнь в Восточной Европе и на Ближнем Востоке, а также служба в армии. Полученный жизненный опыт резко выделял его из среды неопытных юных американцев, индусов, корейцев, китайцев и других молодых людей, какими бы способными они ни были. К тому же у него присутствовал фактор «безвыходности»: Лео отлично понимал, что другого шанса получить образование у него больше не будет. Да и совесть постоянно давала о себе знать. Мама посылала ему почти всю свою скудную зарплату, лишь бы он учился и «стал человеком».

Первый семестр по программе магистратуры разительно отличался от предыдущей учебы. Хотя за плечами осталась программа бакалавриата, оконченная с отличием, с двумя специализациями по финансам и информационным системам. Но сейчас удельный вес, если можно так выразиться, каждого очка, необходимого для получения диплома, стал значительно выше. У Лео даже возникло ощущение, что его привычному темпу продвижения в учебе мешает какой-то дополнительный груз килограммов в двадцать, с которым так просто не победишь. Однако со временем он привык к новому уровню нагрузки, да и адаптация в новой среде давала себя знать. Более того, учась на бакалавра, он в первую очередь делал это ради диплома. Но учеба в магистратуре словно открыла ему глаза: ему постепенно становилось ясно, что именно и для чего он изучал на предыдущей программе. Изменился не только уровень сложности программы, но и степень его личной осознанности. Одолевая и понимая очередную тему, он начал получать от процесса учебы удивительное удовольствие. Иногда, поймав себя на этой мысли, он подумывал, что не исключено, что это какая-то особенная изощренная разновидность мазохизма. Потому, улыбаясь своим мыслям, Лео все-таки не решался рассказывать о них своим соученикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.